

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РЕФОРМИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1917–1920 ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ УЕЗДОВ ВОРОНЕЖСКОЙ, ОРЛОВСКОЙ, ТАМБОВСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ)*

Э. В. Гатилов

Липецкий государственный технический университет

Поступила в редакцию 28 июня 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы реформирования земельных отношений начального советского периода на материалах уездов черноземных губерний. Определены источники возникновения поземельных конфликтов и их роль в формировании новой системы земельных отношений.

Ключевые слова: экспроприация, земельный передел, аграрная политика, поземельный конфликт.

Abstract: the article is about the problems of reforming land relations of the initial Soviet period on the materials of counties of black soil provinces. The sources of land conflicts and their role in the formation of a new system of land relations are determined.

Key words: expropriation, land repartition, agrarian policy, land conflict.

Налаживание поступательного развития российской экономики, прерванное Первой мировой войной и революционными событиями 1917 г., стало одной из первостепенных задач молодой Советской власти. Ликвидация частной собственности на землю способствовала в российской деревне развитию традиционно общинных отношений, но в то же время делала возможным развитие сельского хозяйства на новых социалистических основах. Однако строительство этих основ серьезно сдерживалось запутанностью земельных отношений, с одной стороны, и доминирующей консервативно-уравнительной психологией большей части сельского населения – с другой. Степень запутанности и консервативности не являлась постоянной величиной для всех регионов страны, но достаточно четко проявлялась в черноземном регионе.

В начале XX в. территории с распространением черноземных почв именовались Среднерусской черноземной областью. Административно они были ограничены рамками семи губерний – Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Курской и Воронежской [1, с. 157]. По характеру хозяйственной деятельности населения черноземный район обозначался как Центральная Земледельческая область, которая включала шесть губерний – обозначенные выше губернии без Курской, с населением в 14,5 млн человек [2, с. 38]. При новой власти в 1919 г. государственной плановой комиссией был

введен в оборот термин «Центрально-Черноземная область», ядро которой составили территории бывших центрально-земледельческих губерний России – Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской [3, с. 36–37]. Природные условия и близость хозяйственной деятельности населения данных губерний и отдельных черноземных уездов смежных губерний (например, Данковский уезд принадлежит южной части Рязанской губернии и считается по почвенным качествам одним из самых плодородных уездов) позволяют рассмотреть проблемы развития земельных отношений начального советского периода на примере отдельных уездов черноземной зоны.

Самой первой и злободневной проблемой новой власти стало наделение крестьянства землей. Процесс захвата частновладельческих земель стихийно шел с 1917 г., и большевикам предстояло встать во главе уже текущего «черного» передела. Непосредственным реализатором данного процесса на местах являлись земельные комитеты волостных советов. Их решениями закреплялись базовые нормы передела: «Вся земля в уезде, не касаясь надельной, распределяется по потребительской норме между всеми поровну, для чего в крайнем случае допускается передвижение границ, как сельских, так и волостных» [4]. В теории необходимо было сформировать из экспропрированных земель уездные земельные фонды и исходя из количества земледельческого населения на уравнительной основе определить подушевую норму земли. Объем экспроприированных земель, влившихся в этот фонд, по уездам черноземных губерний различался, что определялось структурой частного, в том числе помещичьего, землевладения. Объем экс-

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-09-00061/19 А.

© Гатилов Э. В., 2019

проприированных земель и количество населения определили поуездные различия. Так в Острогожском уезде Воронежской губернии подушевая норма составляла 1,07 дес. [5], в Елецком и Мценском уездах Орловской губернии – 1,07 дес. [6; 7], в Данковском уезде Рязанской губернии – 1,27 дес. [8], в Лебедянском уезде Тамбовской губернии – 1,5 дес. [9], а в Липецком уезде той же губернии – 0,93 дес. [10]. Прирост крестьянских наделов в среднем в размере одной десятины в результате проводимого передела не только принципиально не менял существовавших земельных отношений, но делал их еще более запутанными, особенно на уровне волостей.

Во-первых, неравномерное размещение населения внутри уездов, а также помещичьих имений и земель привело к образованию многоземельных и малоземельных волостей. Площадь всей экспроприированной земли, разделенная на количество населения в уезде, давала уездную норму. Волости, имевшие излишек земель от превышения уездной нормы, при уравнительном переделе становились донорами малоземельных уездов. В Данковском уезде Рязанской губернии в апреле 1918 г. в 7 волостях были определены участки для передачи 6 малоземельным волостям около 3292 дес. [11]. В Елецком уезде Орловской губернии 10 многоземельных волостей должны были передать 10 малоземельным 16 747 дес. земли [12, с. 153]. Подобные ситуации были характерны для всех черноземных уездов. Причем порой малоземельные волости получали право использования земель на территории не одной, а нескольких волостей [13].

В большинстве случаев при таких процессах непосредственных передвижек земель не было – передавалось право на использование этих земель отдельным малоземельным обществам на территории многоземельных волостей. Однако передача этого права постоянно, от передела к переделу, натывалась на местечковые интересы обществ многоземельных волостей, порождая поземельные конфликты. Как в 1918-м, так и в последующем 1919-м, и в 1920 г. власти констатировали, что при распределении полей (ярового, парового, озимого) между гражданами малоземельных волостей возникали значительные недоразумения с гражданами многоземельных волостей. Недоразумения в большинстве случаев вызывались тем, что отведенные гражданам малоземельных волостей земли в волостях многоземельных не были своевременно указаны, поскольку граждане малоземельных волостей не считали нужным своевременно выяснить местоположение отведенных им участков, а граждане многоземельных волостей, зная, что в их волости имеются площади для других волостей, умалчивали о месте их нахождения, что приводило к их долгому поиску и часто к невозможности посева из-за упущенного времени [14]. При этом

земледельцы многоземельных волостей часто самовольно засеивали подобные участки, создавая основания для последующих конфликтов.

Вместе с тем земельный фонд уездов включал не только земли в массиве самих уездов, но и за их пределами, на территории других уездов. Как правило, это были земли бывших частных владельцев или самих земельных обществ, купленных или арендованных за пределами своих уездов. Так, например, в земельном массиве Усманского уезда Тамбовской губернии в Талицкой волости находилось 206 дес. принадлежащих волостям Моршанского и Лебедянского уездов, в Карпельской волости – 807 дес. обществ Шацкого и Лебедянского уездов, в Мордовской волости – 1654 дес. обществ Козловского уезда, в Куликовской волости – 448 дес. обществ Задонского уезда Воронежской губернии [15]. То есть в массиве Усманского уезда находилось 3115 дес., принадлежащих обществам иных уездов и губерний. Аналогичная ситуация имела место и по другим уездам.

Ситуация, когда при распределении земли учитывались площади не только внутри уезда, но и за его пределами, порождала столь негативное для земледельцев следствие – дальнотемелье, составлявшее десятки верст. Удаленность земель у отдельных обществ того же Усманского уезда достигала 40–90 верст [16]. Закрепленное уравнительным переделом дальнотемелье вело к тому, что малоимущие крестьяне, а порой и целые общества отказывались от обработки подобных участков, что, естественно, не увеличивало обеспеченность крестьянских хозяйств, хотя и снижало его трудозатраты. Власть же в этой ситуации получала незасеянные площади. Пытаясь изменить положение с удаленными землями, крестьянские общества сами инициировали обмен земель, проведение которого, в свою очередь, сдерживалось недостатком технических кадров для осуществления землеустроительных работ.

Наделение крестьян бывшими частновладельческими землями часто не ликвидировало, а увеличивало чересполосицу. Этому способствовали не только вышеуказанные обстоятельства, но и крестьянское понимание справедливого распределения земель. Обычно в случаях различия земель по качеству крестьяне бросали жребий – какому обществу какая земля и где достанется [17]. Аналогичным образом продолжали поступать крестьяне и при распределении земель внутри обществ [18]. Но ситуация усугублялась при разверстке между много- и малоземельными волостями уравнительным характером крестьянской психологии, в соответствии с которым многоземельным волостям следовало выделять землю до нормы не из имеющихся в волостях излишков, а из удаленных земель в составе других волостей и уездов [19], т. е. так, чтобы все волости были в оди-

наковых условиях чересполосицы и дальнотемелья. Земледельцы, естественно, видели ущербность чересполосицы и ходатайствовали в уездные земельные комитеты о передвижке земель, как, например, общества Копцевых хуторов и Липецкой слободы Липецкого уезда [20], д. Шанино Чичиневской волости Мценского уезда [21], 2-го Еропкинского общества Яковлевской волости Орловского уезда [22] и ряда других обществ.

Таким образом, необходимость быстрого решения вопроса о наделении крестьян землей для ярового посева 1918 г. вынуждала сохранять в черноземных уездах и дальнотемелье, и чересполосицу, отодвигая решение этих проблем на время последующих переделов под паровую землю, озимый посев и т. д.

Фактором, осложнявшим упорядочение земельных отношений, являлась подвижность населения и сложность его учета. Из-за быстрого изменения численности на местах постоянно вносились корректировки. К примеру, властями Тамбовской губернии для проведения уравнительного наделения землей было определено учитывать население по состоянию на 1 января 1918 г. [23]. В Усманском уезде для внесенных в общие списки лиц, родившихся до 1 января 1918 г., было решено составить дополнительные списки и наделить эти лица на общем основании землей из других угодий или из остатков, которые могут образоваться после общего распределения или же из общеуездного фонда [24]. В Лебедянском уезде постановлением Лебедянского уездного земельного отдела (далее – УЗО) срок внесения в списки лиц, подлежащих наделению землей по потребительской норме, был установлен вообще до 2 марта 1918 г. [25].

Согласно губернскому постановлению из числа отсутствующих принимались во внимание члены семьи, находящиеся в учебных заведениях и несущие службу в общественных организациях, в Красной Армии, и также пленные [26]. Вместе с тем новые нормы создавали почву для изменения численности сельских обществ, так как закрепляли право на землю:

1) за лицами, занимающимися земледелием с применением личного физического труда, как в своих хозяйствах, так и в чужих в качестве наемных рабочих;

2) лицами, приписанными к сельским обществам, хотя и не занимавшимся ранее земледелием, но пожелавшими заниматься им в 1918 г.;

3) лицами, не приписанными ни в одно из обществ (проживающих), но фактически имеющими усадьбную оседлость, собственную и арендную и пожелавшими заниматься в 1918 г. земледелием, исключая бывших владельцев, арендаторов нетрудовых хозяйств;

4) беженцами из мест, занятых неприятелем, пожелавшими заняться земледелием, исключительно из земель запасного фонда [27].

Этими пунктами властями расширялся круг лиц, имевших основания для наделения землей. Однако сельские общества болезненно реагировали на данные нормы, часто отказывая в земельных наделах лицам как третьей, так и второй категории. Так, сельский сход д. Яковлевски Сырской волости Липецкого уезда постановил дать землю лицам из третьей категории, но оговорился, что «ежели они, непроживающие, не явятся в наше общество совсем на жительство к разделу паровой земли в 1918 г., то посев их останется в пользу общества» [28]. Помимо этого, заключение браков приводило к необходимости корректировки состава земельных обществ и, как следствие, к пересмотру земельного фонда обществ и его переделу. Например, в Кулешовском обществе Сырской волости Липецкого уезда к апрелю 1918 г. к 497 едокам добавилось еще 8 едоков, вступивших в брак из чужих сел [29]. В приведенном случае разверстка усадьбной и полевой земли была проведена уже с учетом данного прироста. Хуже было, когда новые члены появлялись уже после проведения распределения земель, увеличивая передельный хаос. Заведующий текущей земельной политикой Орловского УЗО А. В. Фурьгин констатировал в августе 1918 г., что «...несмотря на некоторое увеличение земельных площадей по отдельным волостям, средняя норма земли в общем резко понизилась» [30]. Как подытожил Межевой подотдел Данковского УЗО в октябре 1918 г., «почти во всех волостях яровая 1918 г. земля распределена по душам... Много граждан оказались землей обделенных с одной стороны по незаконию власти на местах, а с другой в спорных случаях. Такие лица есть в каждой волости. К этой категории обездоленных много прибавилось граждан, прибывших из городов по случаю безработицы и другим причинам» [31].

В сложившихся условиях власть могла осуществлять только единовременное распределение земель на текущий посев, а сельские общества вынуждены были часто проводить внутренние переделы. Их обилие в 1918 – начале 1919 г. вызвало Постановление Народного комиссариата земледелия от 21 июля 1919 г. «О порядке производства внутринадельных переделов в отдельных сельских обществах, селениях и других сельскохозяйственных объединениях». Данным актом признавалось «производство всяких земельных переделов без землеустройства в принципе нежелательным, в особенности в тех районах и селениях, где таковые переделы были уже произведены в прошлом году в связи с распределением земель нетрудового пользования» [32]. Проведение постановления в жизнь было возложено на губернские,

уездные, волостные земотделы, причем последним вменялось в обязанность следить за тем, чтобы переделы производились хозяйственно целесообразно, и они должны были приостанавливать те из них, которые ведут к ухудшению условий землепользования.

Внимание к проблеме частых переделов было вызвано не только негативом от многочисленных конфликтов и сложности оформления землеустройства, но и снижением уровня агротехники. Данковский уездный отдел констатировал, что «площадь земли озимого посева на урожай 1919 г. в сравнении с 1918 г. значительно увеличилась... потому, что во многих имениях уезда велись многопольные хозяйства, ныне же все переделано на трехполье [33]. На заседании представителей уездного съезда волземотделов 1 июня 1919 г. отмечалось, что «необходимо землю переделить на долгий срок – 5-10-15 лет, т. к. в противном случае крестьяне землю удобрять не будут» [34].

Скоротечность земельной разверстки 1918 г. на фоне становления организационного механизма новой власти вызывала недоработки, усложнявшие последующее реформирование земельных отношений. Так, земельные комиссии, созданные для учета и оценки состояния земель, часто проводили оценку плодородия почв приблизительно, поскольку точная выработка коэффициента плодородия требовала много времени [35]. А для земледельцев проблема плодородия имела существенное значение при проведении земельной разверстки – они отказывались засеивать земли, где не могли получить хотя бы возврата семян [36]. Это, в свою очередь, вело к необходимости поиска компромиссных решений, часто весьма трудных.

Существенно осложняющим фактором упорядочения земельных отношений в черноземной деревне была несогласованность в работе уездных и волостных структур, отвечающих за реализацию земельной политики. Главным следствием этой несогласованности являлись земельные конфликты между сельскими обществами. Классическим примером, в котором сплелись крестьянские интересы, интересы земельных органов новой власти и несовершенство работы ее структур, является дело о спорной земле между Белоносовским и Верхне-Луговатским сельскими обществами Верхне-Матрененской волости Усманского уезда в 1919–1920 гг.

Причина возникшего конфликта интересов заключалась в том, что в массиве надельных земель Верхне-Луговатского общества при разверстке паровой земли, проведенной волостным земотделом в июле 1919 г., был выделен Масловский участок, переданный под посев Белоносовскому обществу. На протест представителей Верхне-Луговатского общества коллегия Усманского УЗО в августе 1919 г. под-

твердила норму волостной разверстки, указав на необходимость Верхне-Луговатскому обществу получить землю в другом месте – в участке бывшего частного владельца Лисянского. Верхне-Луговатское общество выступило с протестом, считая, что волземотдел осуществил неправомерное действие, закрепленное коллегией Усманского УЗО, ссылаясь на то, что съездом всех представителей волземотделов было поручено разверстать землю только частновладельческую, а не надельную. При этом уездным земотделом было закреплено, что Верхне-Луговатскому обществу остается земля Масловская, а земля Лисянского – за Белоносовским обществом. Однако ситуация усугубилась тем, что земля Лисянского оказалась самовольно засеянной третьим участником – Верхне-Плавицким обществом той же Верхне-Матрененской волости, которому устное разрешение на это дал уездный земельный отдел. Верхне-Луговатское общество продолжило тяжбу в следующем 1920 г. и 1 июня направило новую жалобу в Усманский УЗО, где указало на необходимость восстановления права пользования Масловским участком в 1920 г. под урожай озимой ржи, а также на необходимость передачи участка Лисянского Белоносовскому обществу, а Верхне-Плавицкому обществу выделить иной земельный массив.

9 июля 1920 г. коллегия Усманского УЗО, рассмотрев все обстоятельства дела, постановила: право уборки ржи в участке Лисянского за исключением земли, причитающейся по волостной разверстке на 62 едока безземельным гражданам Верхней Плавицы, получивших целиком надел в паровом клину в размере 14 дес. 960 с. названного участка, предоставить гражданам Верхней Луговатки в количестве 64 дес. 1440 с., дополнив недостающую норму в 79 дес. посевом ржи из участка Масловского, т. е. в 14 дес. 960 с. Право уборки урожая остальной части Масловского участка предоставить гражданам д. Белоносовки. Весь же оказавшийся в итоге излишек посева в участках Масловского и Лисянского передается в волостной фонд [37].

Соломоново решение коллегии Усманского УЗО опиралось на соблюдение волостной уездной нормы для представителей конфликтующих сельских обществ. Своим решением коллегия, с одной стороны, ликвидировала разночтения и ошибки в работе волостных земельных отделов, с другой стороны, использовала критерий, одинаково понятный и приемлемый в рамках уравнительной психологии земледельцев для устранения сути поземельного конфликта. Вместе с тем данное решение касалось только озимого посева 1919 г. указанных обществ и принципиально не устраняло оснований для последующих поземельных споров, что свидетельствовало о несовершенстве земельной политики, изначально постро-

енной на учете традиционных представлений и потребностей земледельческого населения.

Учитывая, что в процесс разверстки частновладельческих земель формировались новые участники земельных отношений – культурные имения, трудовые артели и коммуны, учреждения, промышленные и сельскохозяйственные предприятия (например, свеклосахарные заводы, конезаводы) – и требовалось скорейшее наделение их землей для обеспечения производственной деятельности, сохранение запутанности земельных отношений на фоне продразверстки провоцировало коллапс сельскохозяйственного производства. В этих условиях межобщинные поземельные конфликты как на волостном, так и на уездном и даже губернском уровне, становились своеобразным индикатором опасности, с одной стороны, маркируя наиболее кризисные местности на территории Черноземья и мобилизуя власть для их скорейшего разрешения, а с другой – свидетельствуя о невозможности реформирования деревни посредством развития новых социалистических форм хозяйствования в условиях сохранения традиционного крестьянского уклада и уравнилельной системы распределения земель.

Современные исследователи отмечают [38, с. 7], что общие переделы весны–лета 1918 г. вели к перемещению и разрушению «ядра» крестьянского надела, т. е. нарушали нормы использования земель, традиционно связанных с конкретными сельскими обществами. С этим утверждением можно согласиться только отчасти, поскольку аренда и покупка земель сельскими обществами активно проводилась еще до прихода большевиков и уже «размывала» это «ядро». Дальноземелье и чересполосица, расширившиеся при новой власти, к тому же на фоне притока населения в сельскую местность, усиливали эту размытость. Натурализация сельского хозяйства, ставшая закономерным экономическим следствием длительной мировой и гражданских войн и политики военного коммунизма, отражала глубину падения сельскохозяйственного производства. Системные проблемы сельского хозяйства черноземной полосы не решались и не могли решиться только посредством ослабления малоземелья. Более того, на новый уровень выходили и поземельные конфликты. Социальный антагонизм «крестьянин – помещик» заменялся «корпоративными» антагонизмами «сельское общество – сельское общество», «сельское общество – чужаки». Рыхлая, но восстанавливающаяся крестьянская община, получившая максимально доступный контроль над земельными ресурсами [39, с. 516], становилась новой проблемой Советской власти в деревне, проблемой, определившей ход большевистского реформирования на рубеже первого и второго десятилетий XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества : в 19 т. Т. 2: Среднерусская черноземная область / сост. В. П. Семенов [и др.]. – Спб., 1902.
2. Россия в конце XIX века / под общ. ред. В. И. Ковалевского ; М-во фин. Выс. учрежд. Комис. по заведению устройством Рус. отд. на Всемир. выставке 1900 г. в Париже. – СПб. : Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1900.
3. Прокофьева Е. Ю. Из истории районирования территории Центрально-Черноземной области (ЦЧО) / Е. Ю. Прокофьева // Научные ведомости БелГУ. – 2008. – № 1 (41). – Вып. 5.
4. Областное казенное учреждение «Государственный архив Липецкой области» (далее – ОКУ ГАЛО). – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 29.
5. Казенное учреждение Воронежской области «Государственный архив Воронежской области» (далее – КУВО ГАВО). – Ф. Р-549. – Оп. 2. – Д. 31. – Л. 16 об.
6. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-150. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 17.
7. Бюджетное учреждение Орловской области «Государственный архив Орловской области» (далее – БУОО ГАОО). – Ф. Р-447. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 45.
8. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-448. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 270.
9. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 81.
10. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 118.
11. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-448. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 184, 184 об.
12. Гатилов Э. В. Экспроприация частновладельческой собственности в Елецком уезде Орловской губернии в 1917–1918 гг. / Э. В. Гатилов // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. – 2016. – № 22 (243). – Вып. 40.
13. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 117–117 об. ; Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 10.
14. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 16.
15. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 33–34 ; Д. 8. – Л. 20 об.
16. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 124.
17. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 151.
18. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 16.
19. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 8.
20. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 124–124 об.
21. БУОО ГАОО. – Ф. Р-447. – Оп. 1. – Д. 23.
22. БУОО ГАОО. – Ф. Р-447. – Оп. 1. – Д. 16.
23. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 52.
24. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 8 об.
25. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 81.
26. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 19.
27. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 19–19 об.
28. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 58.
29. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 56.
30. БУОО ГАОО – Ф. Р-314. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 121.
31. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-448. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 7 об.

32. Постановление Народного комиссариата земледелия от 21 июля 1919 г. «О порядке производства внутринадельных переделов в отдельных сельских обществах, селениях и других сельскохозяйственных объединениях» // Исторические материалы. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/38292>

33. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-448. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 7 об.

34. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-448. – Оп. 1. – Д. 197. – Л. 53–55.

35. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-7. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 94.

36. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 52.

37. ОКУ ГАЛО. – Ф. Р-168. – Оп. 1. – Д. 721. – Л. 4, 7, 9–10, 19–21.

38. Николашин В. П. Социализация земли и переустройство Тамбовской деревни (1917–1918 гг.) : монография / В. П. Николашин. – Мичуринск : Изд-во Мичуринского госагроуниверситета, 2015.

39. Дьячков В. Л. Крестьянская революция 1902–1922 годов в Тамбовской губернии / В. Л. Дьячков, С. А. Есиков, В. В. Канищев // Россия в XX веке : Реформы и революции : в 2 т. Т. 1. – М. : Наука, 2002.

Липецкий государственный технический университет

Гатилов Э. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории государства и права и конституционного права

E-mail: gatilow.e@yandex.ru

Lipetsk State Technical University

Gatilov E.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History, Theory of the State and Right and Constitutional Right Department

E-mail: gatilow.e@yandex.ru